Pδ 20/831

Р 20
Р 831

ПЕРВЫЙ ГОДЪ

НИКОЛАЯ II

(ХРОНИКА)

ИЗДАНІЕ ОБЩЕСТВА НАРОДНАГО ПРАВА

1896.

Р 20/831
Ф 1-79/8535

ПЕРВЫЙ ГОДЪ НИКОЛАЯ II

(ХРОНИКА)

ИЗДАНІЕ ОБЩЕСТВА НАРОДНАГО ПРАВА

1896.

Государственная
ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА

114301-48

2007050104

ПЕРВЫЙ ГОДЪ НИКОЛАЯ II

(ХРОНИКА)

Смерть Миротворца и 17-ое января

Уснувши на вѣки, Александръ III впервые оказалъ оживляющее вліяніе на своихъ вѣрноподданныхъ, какъ бы пробудилъ ихъ на время отъ одолѣвшаго ихъ сна. Мы заговорили и, — какъ и слѣдовало ожидать, — наговорили изумительныхъ рѣчей. Покойнику воздавались такія небывалыя, ничѣмъ не оправданныя почести, пѣлись такіе неслыханные, просто неправдоподобные гимны; газеты въ запуски одна за другой пустились въ такое чудовищное хвалебное лганье, что невольно закрадывалось соображеніе: ужъ не съ радости ли это все, не изъ благодарности ли покойнику за то, что онъ наконецъ таки померъ! Это было какое-то навожденіе, какой-то психозъ рабьей души, вакханалія «начальстволюбія». Не успѣла она окончиться, чадъ ея еще висѣлъ въ воздухѣ, какъ начали носиться какіе-то смутные слухи о чемъ-то новомъ, о какомъ-то поворотѣ нашей исторіи, о близости какого-то благополучія, какого-то царскаго «презента», — совсѣмъ какъ дѣти передъ свѣтлымъ праздникомъ.... Николай II пока молчалъ; онъ только и сдѣлалъ, что прошелся разъ пѣшкомъ и, какъ увѣряли, безъ охраны (въ мундирахъ) по Аничкину мосту. Но и этого оказалось достаточнымъ, чтобы появились «опасные мечтатели», какъ говоритъ Щедринъ*) («безсмысленные по Н. II). Первый

---

*) См. Исторія одного города, Гл. III, «органчикъ», представляющую образчикъ удивительнаго художественнаго провидѣнія, — почти возвышающагося до дара пророчества.

манифестъ не говорилъ ничего. Въ немъ поспѣшили вычитать какія-то обѣщанія. Либеральная (какъ у насъ говорятъ) часть земскихъ дѣятелей начала составлять адресса, гдѣ осмѣливалась не только соболѣзновать въ этотъ «скорбный и торжественный часъ» вступленія Николая II на престолъ, но и желать чего-то. «Въ Николаѣ II вся наша надежда, — Николаю II наше ура!» восклицали самые передовые земцы. Они радовались, — это было понятно. Продолжать жить такъ, какъ жили послѣдніе годы, казалось немыслимымъ. Но субъективная радость и субъективныя желанія какимъ-то болѣзненнымъ оборотомъ мысли вдругъ объектировались въ фигурѣ «юнаго незнакомца», Николая II.... И вѣдь не одни мечтатели заволновались. Моментъ вышелъ настолько двусмысленнымъ, мозги русскаго обывателя, самаго «трезвеннаго», такъ сроднились съ идеями «внезапности» и «занятности», что растерялись даже Суворины и Мещерскіе, и имъ показалось, что полъ заходилъ у нихъ подъ ногами и имъ закружилась голова.... Мещерскій заговорилъ въ примирительномъ тонѣ о просвѣщеніи. Суворинъ, конечно, пошелъ дальше и, какъ обухомъ по головѣ, хватилъ своихъ читателей «руководящей» о необходимомъ и въ близкомъ будущемъ насъ ожидающемъ благополучіи народнаго представительства.... Это было нѣчто умопомрачительное. Глаза отказывались видѣть то, что видѣли, уши — слышать то, что слышали. То самое перо, что недѣлю назадъ неистово строчило диѳирамбы Александру III, только и умѣвшему, что «охранять» всей своей тяжелой тушей «самодержавіе отъ всякихъ на него поползновеній» (согласно обѣщанію, данному имъ въ манифестѣ 1881 г.), — то самое перо, хоть и робко и косноязычно, но лопотало теперь что-то о «конституціяхъ»! Просто угаръ какой-то стоялъ въ воздухѣ отъ мечтаній....

И вдругъ царскій презентъ 17-го января — душъ холодной воды и отрезвленіе.

Юный незнакомецъ, этотъ рыцарь съ опущеннымъ забраломъ, въ кредитъ увѣнчанный народными лаврами, — поднялъ, наконецъ, передъ нами свое забрало, болѣе того — съ чисто юношескимъ азартомъ предсталъ предъ нами въ такой изумительной обнаженности, что многіе только ахнули. Такъ нѣкогда поступила Фрина съ аѳинскимъ ареопагомъ. Ликъ юнаго рыцаря оказался все тѣмъ же давно знакомымъ самодержавнѣйшимъ ликомъ; ничего въ немъ не было новаго: усы покороче, борода поменьше; а прочее все то же, — давно извѣстное, отцовское, даже прадѣдовское. Голосъ посвѣжѣе, помоложе, а соотвѣтственно этому и азарту побольше....

«Безсмысленныя мечтанія»!!...

Александръ III начиналъ скромнѣе. Николай II не только выругался по-солдатски въ своей «Тронной рѣчи», но дополнилъ ее ничуть не менѣе краснорѣчивой помѣткой на всеподданнѣйшемъ адрессѣ тверскаго земства: «Я чрезвычайно удивленъ

и недоволенъ этою неумѣстною выходкой 35 гласныхъ губернскаго земскаго собранія»*).

Какой же смыслъ имѣла «неумѣстная», дерзкая, ничѣмъ не вызванная выходка самого Николая II, — это оскорбленье, повидимому служившее само себѣ цѣлью, — грубое, ненужное, брошенное въ лицо представителей общества и напоминающее пощелкиванье кнутомъ погонщиковъ скота?... Полуграмотный монархъ нашъ, выкрикивая свое запальчивое слово, и не подозрѣвалъ навѣрное, что его немудрыми устами глаголетъ исторія.

Во дни Александра II, ошеломленное крымскимъ погромомъ, среди броженья, вызваннаго паденьемъ крѣпостнаго права, сбитое съ толку «крамолой», самодержавіе наше само поддалось увлеченію «принципами», и аки пламя, колеблемое вѣтромъ, — колебалось въ трудномъ выборѣ между бюрократіей и обществомъ, между принципомъ туканья по темени согласно «входящимъ» и «исходящимъ» и принципами либерализма. Кому отдастъ оно предпочтенье? Въ комъ найдетъ болѣе надежную для себя опору?

Но дѣло вскорѣ выяснилось. Естественные союзники осмотрѣлись и подмигнули другъ другу. Выборъ былъ сдѣланъ, и закипѣла работа. Общество, общественная самодѣятельность стали кошмаромъ нашей власти. Въ дни Александра III шла усиленная подготовка почвы. Союзники, помалкивая о какихъ бы то ни было «принципахъ», посвятили все свое время дѣлу — борьбѣ съ обществомъ. Теперь они уже чувствуютъ подъ ногами утрамбованную «миротворцемъ» твердую почву. Самодержавіе уже можетъ возвратиться къ политикѣ «принциповъ», и Николай II спѣшитъ прокричать: Вы недовольны бюрократіей; такъ знайте же: бюрократія — это я! Вотъ резюме по существу инцидента 17-го января. Таковъ его историческій смыслъ.

А что до вопроса, кто кого «напугалъ и подвигнулъ», министръ ли Дурново императора Николая, или императоръ Николай министра Дурново, и отважился ли бы императоръ на свой подвигъ безъ посторонней помощи, — этотъ вопросъ мы оставляемъ безъ разсмотрѣнья.

Послѣ 17-го января русскіе обыватели какъ-то притихли, «смущенно толкуя». Даже у самыхъ «преданныхъ» органовъ не нашлось словъ для прямого воспѣванья этой новости дня. Патріотамъ было какъ-то не по себѣ и какъ бы нѣсколько конфузно за своего монарха.... Мы не могли при всемъ желаніи раздѣлять ихъ чувствъ: намъ не было причинъ ни конфузиться, ни сожалѣть о проявленныхъ царемъ грустныхъ свойствахъ.

---

*) Этотъ царскій отвѣтъ былъ переданъ собранію черезъ губернатора.

А за его безтактность, за грубый политическій промахъ, имъ сдѣланный, — мы даже обязаны ему своего рода благодарностью. Ибо что могло быть безтактнѣе этого распространенія понятія о крамолѣ на мирныхъ представителей общества, принесшихъ вѣрноподданническіе — хотя бы и съ «пожеланіями» — адресса?

До сихъ поръ ни одинъ самодержецъ — ни Александръ II, ни Александръ III — официально не допускалъ и мысли, чтобы «мечтанья» были не чужды сколько-нибудь значительной части подданныхъ. «Вѣруя въ силу и истину самодержавной власти», какъ сказано въ манифестѣ 29 апрѣля 1881 г., наши самодержцы всегда превозглашали, какъ нѣчто непререкаемое, что лишь «крамольники», лишь «зловредные элементы» могутъ стремиться къ ниспроверженію существующаго порядка, — и къ борьбѣ съ этимъ «внутреннимъ врагомъ» (см. солдатскую «словесность») они призывали «свой вѣрный народъ». Николай II громко и открыто („пусть знаютъ это всѣ“) призналъ, что его дѣдъ и „незабвенный родитель“ заблуждались, что „зловредные“ не одиноки, что и общество поддается пагубному соблазну — желанію дышать.... Подобно тому какъ въ берлинскомъ рейхстагѣ знаменитый проэктъ объ Umsturz'ѣ вызвалъ одно hoch, — и его крикнулъ соціалистъ Либкнехтъ, и мы готовы отблагодарить такими же hoch нашего юнаго монарха за эффектную и поучительную реакціонную демонстрацію.

* * *

Аттрактивная политика. — Фондъ рептилій имени Николая II-го.

Съ тѣхъ поръ, со дня 17-го января прошло уже около года. Матерьяла для сужденія о новомъ царствованіи, о фигурѣ Николая II и одушевляющихъ его идеяхъ — за годъ накопилось слишкомъ достаточно. Подведемъ же итогъ этому году новѣйшей русской исторіи.

Что *новаго* дало намъ новое царствованіе?

По существу, разумѣется, ничего. Николай II не оправдалъ надеждъ даже въ той области, въ которой наши монархи обыкновенно проявляютъ усиленное творчество въ свои „*первые*“ дни: въ области административныхъ перемѣщеній и назначеній; — и здѣсь все осталось, какъ было. Понятно, что о другихъ областяхъ и говорить нечего. Николай II именно *продолжаетъ* родителево дѣло, какъ обѣщалъ въ манифестѣ. Новое можно найти только въ кое-какихъ внѣшнихъ пріемахъ его политики. Но и здѣсь онъ не можетъ претендовать на полную оригинальность: онъ и здѣсь не творитъ, а скорѣе лишь разробатываетъ и совершенствуетъ уже готовыя, завѣщанныя родителемъ, формы. Въ самомъ дѣлѣ, еще при покойникѣ съ самого начала его царствованія идетъ рядъ „реформъ“ въ духѣ „аттрактивнаго“ законодательства, или, говоря проще, — *подкупа*. Па-

раллельно съ послѣдовательнымъ урѣзываніемъ общественной самодѣятельности, во всѣхъ сферахъ ея проявленія, правительство Александра III неукоснительно старалось воспитывать къ себѣ симпатію въ рядахъ самихъ „урѣзанныхъ“ представителей свободныхъ профессій. И шло оно къ этой цѣли, конечно, самымъ прямымъ путемъ — путемъ систематическаго подкупа. Начали съ университетовъ. Дабы расположить гг. профессоровъ къ новому (1884 г.) уставу, устроили дла нихъ помимо жалованья гонораръ (дла иныхъ утроившій размѣръ получаемаго вознагражденія). Отъ университета перешли къ земству, этому второму (послѣ университетовъ) противорѣчію въ строѣ русскаго государства, — какъ нѣкогда сострилъ о нихъ князь Бисмаркъ. Служащіе въ управахъ изъ какихъ-то еле терпимыхъ, съ эфемернымъ положеніемъ существъ, превратились въ несущихъ государственную службу заправскихъ чиновниковъ съ околышемъ Минист. В. Д., съ чинами и прерогативами государственной службы.

Въ то же время шло систематическое поощреніе и самихъ бюрократическихъ силъ : повсемѣстное увеличеніе окладовъ и увеличеніе числа служебныхъ мѣстъ*) не только наполняло ликованьемъ сердца уже дѣйствующихъ чиновничьихъ ордъ, но, по восхитительному выраженію г. Л. С. изъ „В. Е.“, „постепенно и неудержимо“ переводило въ ряды бюрократіи „лучшіе активные элементы образованнаго общества“**).

---

*) Жалованье чиновниковъ составляетъ у насъ 13 % всего бюджета. (См. Р. Кауфманъ «Государ. и мѣстные расходы главнѣйшихъ европейскихъ странъ.... », стр. 131).

**) См. его статью въ X книжкѣ «Вѣстника Европы» наст. года — «Наши направленія печати и общество». Проанализировавши эти наши направленія, г. Л. С. пришелъ къ тому заключенію, что только враги либерализма могутъ усматривать какое-нибудь различіе между стремленіями нашихъ либераловъ и стремленіями русскаго правительства ; разбирая детально, «къ чему стремятся» либералы съ одной стороны и «высшіе представители власти» съ другой, — онъ констатируетъ полное тожество по всѣмъ пунктамъ. Оно и не мудрено, ибо изъ той же статьи оказывается, что «просвѣщенная бюрократія» есть «передовая общественная сила нашего времени» (sic), что наше «либеральное реформаторское чиновничество беретъ на себя самыя широкія задачи» и т. п. Не понимаемъ только, зачѣмъ это понадобилось «В. Е.» допускать такую клевету на своихъ единомышленниковъ, — русскихъ либераловъ? Ибо какъ ни робки они у насъ, какъ ни одержимы недугомъ «гоженія», никогда еще они не доходили до «тожествъ» г. Л. С., до этого смѣшенія «отечества» съ «его превосходительствомъ». И если только «В. Е.» не намѣренъ поворачивать фронта, и выходка его сотрудника должна быть записана только на его личный счетъ, — не мѣшало бы журналу заявить объ этомъ. Подобныя позорно-молчалинскія строки, кажется, впервые попадаютъ на страницы этого до нельзя умѣреннаго, но всегда до сихъ поръ чистоплотнаго органа нашего либеранизма.

Эта ,,аттрактивная" политика во всѣхъ ея видахъ идетъ полнымъ ходомъ съ самыхъ первыхъ дней царствованія Николая II. Бюрократія наша очевидно вошла во вкусъ ,,самопоощренія". Чиновничество только и говоритъ, что объ уже введенныхъ или ожидаемыхъ новыхъ штатахъ. А что касается такого же ,,поощренія" либеральныхъ профессій, то правительство сдѣлало попытку наложить свою руку еще на одну изъ нихъ, — на литературу.

,,Наши публицисты и дѣятели прессы впервые удостоились признанія съ высоты престола, ихъ дѣятельность впервые поставлена на ряду съ дѣятельностью чиновниковъ и другихъ и наравнѣ съ нею признана государственно полезной". Такъ изливалъ свою благодарность публицистъ нововременецъ по поводу учрежденія Николаемъ II 13-го января н. г. милліоннаго фонда (р е п т и л і е н ф о н д а, — какъ его окрестили въ обществѣ, или фонда ,,пенсій и пособій имени Николая II", — какъ его перекрестило недавнее высочайшее повелѣніе) для пособій нуждающимся дѣятелямъ печати и ихъ семьямъ....

Въ прессѣ кое-гдѣ кое-кто чуть слышно замѣтилъ, что желательны были бы болѣе существенныя доказательства монаршаго благоволенья къ литературѣ, что цензурный уставъ, напримѣръ, могъ бы доставить богатый матерьялъ для преобразованій въ этомъ направленіи.... Но разговоры смолкли; а фактъ остался фактомъ. Изъ университетскихъ профессоровъ, которые въ концѣ концовъ тѣ же чиновники Мин. Нар. Просв., — въ 1884 г. все таки въ Петербургскомъ, напримѣръ, Университетѣ нашлось нѣсколько человѣкъ, отказавшихся отъ подареннаго новымъ уставомъ гонорара.... Пожелаемъ с в о б о д н о й профессіи литераторовъ съ бо̀льшимъ достоинствомъ отнестись къ царской подачкѣ...

* * *

П о л и т и к а л и ц е м ѣ р і я.

Душа чиновника съ 20-ымъ числомъ въ ея святая святыхъ и статура городоваго съ палашемъ у бедра — вотъ живое изображеніе нашего мертвящаго ,,режима". Но къ старинной политикѣ — подкупа и наси́лья — правительство Николая II присоединило еще политику л и ц е м ѣ р і я. И, если есть что-нибудь новое въ физіономіи новаго правительства, — такъ именно эта черта.

Когда оно находитъ нужнымъ, оно умѣетъ выставлять свои ,,принципы", умѣетъ ,,оберегать самодержавіе отъ всякихъ на него поползновеній" ничуть не хуже, а даже лучше, чѣмъ предшествовавшее. Но тамъ, гдѣ Николаю II это ничего не стоитъ, — въ пустякахъ онъ не прочь и отъ иныхъ пріемовъ. Въ подобныхъ случаяхъ правительство заигрываетъ съ общественнымъ мнѣніемъ, прибѣгаетъ къ печати, обращается къ земству, видимо

стараясь прикрыть политику насилья флёромъ благихъ намѣреній. И хотя этотъ флёръ до смѣшного легокъ и прозраченъ, всякій маломальски проницательный человѣкъ сразу разберетъ, въ чемъ дѣло, — тѣмъ не менѣе, для нашего общества, лишеннаго всякаго политическаго воспитанія, и такое средство можетъ оказаться годнымъ.

* * *

Муравьевское воззваніе и петиція литераторовъ.

Самымъ беззастѣнчивымъ лицемѣромъ изъ всѣхъ сподвижниковъ Николая II выступилъ Министръ Юстиціи — Муравьевъ. Надо же было придумать это воззваніе къ обществу, приглашающее его высказаться по вопросу объ измѣненіи судебныхъ установленій! Всякое сколько-нибудь свободно высказываемое мнѣніе этого общества разсматривается, какъ преступленіе; печать связана по рукамъ и по ногамъ; „вѣрноподданническіе адрессы“ ведутъ къ удаленію подписавшихся подъ ними изъ состава земскихъ управъ и вызываютъ 17-ое января... И за всѣмъ тѣмъ у нашей бюрократіи достаетъ духу симулировать какое-то совѣщаніе съ обществомъ, какое-то предупредительное вниманіе къ его мнѣніямъ и желаніямъ.... И, конечно, нашлись наивные люди, которые отозвались на воззваніе г. Муравьева, — поспѣшили подѣлиться съ нимъ своими „мнѣніями“. Съ какой улыбкой читаются, вѣроятно, ихъ благонамѣренныя посланія въ его канцеляріяхъ! — съ какимъ великолѣпнымъ спокойствіемъ кидается въ корзины подъ столами или сдается въ архивъ все, что не идетъ на встрѣчу намѣреніямъ министра. Милыя, безконечнаго всепрощенія исполненныя души! Какъ имъ было не воспользоваться случаемъ высказаться по мѣрѣ силъ и крайняго своего разумѣнія? — это такой рѣдкій у насъ случай. А почувствовать въ подобномъ обращеніи къ намъ со стороны правительства прямое глумленіе надъ нами, возвыситься до пониманія принципіальной нелѣпости подобнаго сотрудничества, вспомнить хотя бы одно 17-ое января, — одного его, казалось бы, довольно, чтобы воздержаться! — на это развѣ насъ станетъ? Все это „принципы“, „отвлеченности“, а намъ не они дороги, а живое дѣло, возможность хоть въ малой мѣрѣ ему поспособствовать...

И рѣшился на такое обращеніе къ мнѣнію общества тотъ самый Муравьевъ, который чуть не наканунѣ дѣлалъ „все отъ него зависящее“, чтобы подавить именно общественное мнѣніе, робко пытавшееся проявить себя въ петиціи, поданной Николаю II нашими литераторами. 78 петербургскихъ литераторовъ различныхъ направленій попробовали черезъ комиссію прошеній „высказать“ царю свои скромныя желанія. Вотъ текстъ этой петиціи:

„Ваше Императорское Величество Всемилостивѣйшій Государь! На доклады министра юстиціи о пересмотрѣ судебныхъ

Государственная ордена Ленина БИБЛИОТЕКА СССР

уставовъ Августѣйшій Родитель Вашъ незадолго до своей кончины въ собственноручной надписи выразилъ желаніе, чтобы дѣйствительно правосудіе наконецъ упрочилось въ Россіи'.

„Въ милостивомъ манифестѣ отъ 14-го ноября всѣ подданные Ваши съ упованьемъ усмотрѣли, что Ваше Императорское Величество, полагаете правосудіе основою народнаго благоденствія'.

„Въ словахъ этихъ почерпаемъ мы смѣлость утруждать Ваше вниманіе своею всеподданнѣйщею просьбою.

„Государь! Въ составѣ Вашихъ подданныхъ есть цѣлая профессія, стоящая внѣ правосудія; это — профессія литературная. Мы, писатели, или совсѣмъ лишены возможности путемъ печати служить своему отечеству, какъ намъ велитъ совѣсть и долгъ, или, — внѣ законнаго обвиненія и законной защиты, безъ слѣдствія и суда, — претерпѣваемъ кары, доходящія даже до прекращенія цѣлыхъ изданій.

„Простыми административными распоряженіями изъ круга печатнаго обсужденія изъемлются вопросы нашей общественной жизни, наиболѣе нуждающіеся въ правильномъ и всестороннемъ освѣщеніи; простыми административными распоряженіями изъемлются изъ публичныхъ кабинетовъ и библіотекъ книги, вообще цензурой не запрещенныя.

„Весь образованный міръ уже признаетъ великое значеніе за русской литературой. Благоволите же, Государь, принять ее подъ сѣнь закона, дабы отъ него лишь зависимое и имъ же ограждаемое отъ непосредственного воздѣйствія цензуры свѣтской и духовной, русское печатное слово въ мѣру силъ своихъ могло служить славѣ, величію и благоденствію Россіи".

Кажется немного?...

Къ чести царя надо сказать, что эта петиція была имъ принята, — не въ примѣръ прочимъ. Она была передана на разсмотрѣніе особой коммиссіи въ составѣ министровъ Вн. Дѣлъ и Юстиціи и оберъпрокурора синода. Докладъ царю дѣлалъ Муравьевъ. Онъ доложилъ, что петиція, по меньшей мѣрѣ, заслуживаетъ одного — быть оставленной безъ уваженія, такъ какъ подписавшіеся 78 литераторовъ, не составляя какого-либо правительствомъ дозволеннаго общества, дѣйствовали въ данномъ случаѣ скопомъ, что по закону есть дѣяніе преступное; далѣе, что цѣль петиціи — ввести въ заблужденіе царя, пользуясь его неопытностью, ибо ни одна профессія въ Россіи не ограждена столькими законами, какъ литературная, и что если и примѣняются административныя распоряженія, то въ особо-исключительныхъ случаяхъ и лишь по отношенію къ лицамъ завѣдомо неблагонадежнымъ, каковыми слѣдуетъ признать и подписавшихъ петицію.

Послѣдовала высочайшая резолюція: „оставить безъ всякаго уваженія“.*)

* * *

Запрещенія, Предупрежденія, Внушенія и пр.

Но и помимо этой резолюціи за одинъ годъ царствованія Николая II накопилось достаточно доказательствъ его особеннаго благоволенія къ печати. Рядомъ съ учрежденіемъ „аттрактивныхъ“ пенсій и пособій — обычныя „закрытія“ и „запрещенія“ шли своимъ чередомъ. Началось дѣло съ закрытія газеты „Русская Жизнь“ (за статьи о мѣропріятіяхъ мин. финансовъ); пріостановлены: „Курскій Листокъ“, москов. газета „Искусство и Жизнь“ (за разоблаченіе подкупа строительной коммиссіи, осматривавшей зданіе новаго московскаго театра); „Саратовскій Дневникъ“, (за корресп. изъ Нижн.-Новгорода объ усиленіи охраны ввиду предстоящей выставки). На дняхъ запрещена розничная продажа „Русскихъ Вѣдомостей“ за выходъ безъ черной рамки въ день годовщины смерти Александра III. Получили внушеніе отъ Цензурнаго вѣдомства: „Недѣля“ — за статьи о марксизмѣ и „Русская Мысль“ — за описаніе бѣдственнаго положенія нашихъ рабочихъ и указанія на западно-европейское рабочее движеніе, какъ на образецъ для Россіи — оффиціальная мотировка; послѣднее „внушеніе“ сопровождалось требованьемъ, чтобы всѣ статьи по рабочему вопросу представлялись на предварительную цензуру. Разосланъ по библіотекамъ новый индексъ книжекъ, не подлежащихъ выдачѣ (NB. съ запрещеніемъ доводить о немъ до свѣдѣнія публики; — особое распоряженіе). Предано сожженію изданіе печатавшихся въ „Отечественныхъ Запискахъ“ статей Елисеева (изд. Солдатенкова). Остановленъ „Сборникъ матерьяловъ для исторіи экономическаго развитія Россіи“. Изъяты изъ библіотекъ II томъ соч. Карла Маркса „Капиталъ“, разрѣшенный при Александрѣ III. Одновременно съ этимъ сыпались циркуляры, запрещавшіе писать о „девальваціи“, о комитетахъ грамотности, о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ. Съ осени 1895 г. цензурный гнетъ сталъ невыносимъ даже для цензуры, которая устами своихъ представителей умоляетъ редакторовъ и издателей „пожалѣть ее“!!.. Всего, со дня вступленія на престолъ Николая II, закрыто 6 органовъ и отказано въ разрѣшеніи 86 изданіямъ.

* * *

---

*) Этотъ высочайшій отвѣтъ былъ доставленъ академику Бильбасову, подававшему петицію отъ имени 78-ми, — черезъ околоточнаго надзирателя.

Гг. Витте и Ціонъ.

Послѣднее распоряженіе было сдѣлано по настоянію другого виднаго представителя политики лицемѣрія, г. Витте. Дѣлецъ этотъ, за кулисами ходатайствующій о „запрещеніяхъ", съумѣлъ заслужить комплименты всей нашей либеральной прессы своей образцовой любовью къ гласности.... Прижатый къ стѣнѣ бывшимъ товарищемъ — г. Ціономъ*), который выпустилъ столь много шума, надѣлавшую брошюру о нашихъ финансахъ, — онъ выкинулъ очень рискованную, хотя и удавшуюся ему на этотъ разъ, штуку. Опровергнуть обвиненія фактическими доказательствами г. Витте затруднялся. И вотъ онъ рѣшаетъ разыграть оскорбленную, но увѣренную въ неотразимой силѣ своей чистоты — невинность, и предоставляетъ расправиться съ клеветникомъ самому русскому обществу. Онъ разослалъ по редакціямъ газетъ и журналовъ брошюру г. Ціона, которая иначе, конечно, попала бы въ категорію запрещенныхъ изданій. И наша печать самымъ постыднымъ образомъ оправдала всѣ разсчеты г. министра. Печать, хотя сколько-нибудь воспитанная политически, должна была избрать одно изъ двухъ : — будь она достаточно смѣла, она отказалась бы отъ обсужденія памфлета г. Ціона, прямо заявивъ, что она не въ состояніи опровергнуть его, ни вообще дать ему оцѣнку по существу, ибо всѣ данныя для этого покрыты все у насъ покрывающей канцелярской тайной**). Или же

---

*) Они товарищи не только по занятію русскими финансами (г. Ціонъ до самаго послѣдняго времени состоялъ русскимъ финансовымъ агентомъ въ Парижѣ), но и по знаменитой лигѣ „добровольной охраны".

**) По росписи 1862 года, первой опубликованной росписи въ Россіи, нашъ государственный бюджетъ составлялъ 310 мил. руб. По росписи 1895 г. онъ превышаетъ 1.200 мил. руб. Иными словами, въ 33 года бюджетъ увеличился въ четыре раза или на 300 %. И какъ 33 года назадъ, такъ и теперь онъ составляется тайнымъ канцелярскимъ путемъ, безъ всякаго участія плательщика. Никто въ Россіи не знаетъ ни точнаго роста доходовъ ни распредѣленія расходовъ, потому что провѣрка ихъ производится тѣмъ же чиновникомъ, который составляетъ бюджетъ.

Далѣе, государственный долгъ за то же время съ 1859 по 1892 г. возросъ съ 1.760 мил. — 1859 г. до 5.684 мил. р. — въ 1892 г. Иными словами, наша задолженность въ 33 года увеличилась въ три съ половиною раза или на 250 %. И какъ 33 года назадъ, такъ и теперь никто не только въ Россіи, но и во всемъ мірѣ, не можетъ поручиться, что эти цифры, взятыя изъ оффиціальныхъ источниковъ, — вѣрны. Потому что никто ихъ не провѣрялъ, кромѣ чиновника, которому въ сущности до нихъ дѣла нѣтъ, и которому въ кредитныхъ операціяхъ помогаютъ такіе дѣятели, какъ Ціонъ и К°. Мы же — мы платимъ только ежегодно свыше 300 мил. р. процентовъ. Безотвѣтственность чиновника и наша безправность — таковы основы русской системы кредита.

разбитая и робкая, какова она есть, она тѣмъ не менѣе могла бы сохранить свое достоинство и послужить общественному самосознанію, отвѣтивъ полнымъ молчаніемъ на запгрываніе г. Витте. Не такъ поступила наша либеральная пресса.

Она поддалась самообольщенію, естественному для людей, вѣчно приниженныхъ : она сочла себя призванной къ рѣшенію государственнаго вопроса и, гордая и обрадованная. поспѣшила, не имѣя никакихъ другихъ данныхъ, кромѣ голословнаго заявленія самого Витте, объявить памфлетъ клеветою. Она ухватилась за случай пошельмовать автора, — своего стариннаго литературнаго противника, — и, выгоняя эту блоху, спалила шубу : вышло такъ, что въ финансахъ нашихъ все обстоитъ благополучно, что г. Ціонъ — прохвостъ, а вотъ г. Витте — либеральнѣйшій министръ и просвѣщеннѣйшій любитель гласности.... И регивѣе всѣхъ подвизались на этомъ поприщѣ именно самые передовые наши органы.... Когда поссорятся двое мошенниковъ, говоритъ англійская пословица, честный выигриваетъ. Но не про насъ, видно, сложена эта пословица. И ссора двухъ такихъ великолѣпныхъ мошенниковъ, — какъ г.г. Витте и Ціонъ, — послужила на пользу, по крайней мѣрѣ, одного изъ нихъ, если не обоихъ...

* * *

Глубокая тайна окружаетъ всѣ операціи надъ нашимъ бумажнымъ рублемъ. Теперь проводится въ жизнь мѣра чрезвычайной важности, — пресловутая девальвація, — и что же мы, плательщики, знаемъ о ней? — Ничего. Даже министерскій прихвостень, — „Новое Время“, и то заговорило о необходимости спросить мнѣніе.... хотя бы помѣщиковъ. Судя по спокойствію заграничной биржи, можно думать, что г.г. Блейхредеры, Ротштейны и К°, хорошо освѣдомленные о реформѣ, обезпечили свои интересы. О нихъ, конечно, г. Витте позаботился, ибо имъ не зажмешь глотки, ихъ не заставишь платить за рубль больше, чѣмъ онъ стоитъ. А внутренній кредиторъ — въ „нашихъ“ рукахъ, и съ нимъ церемониться нечего.

Въ то же время подъ покровомъ тайны, окружающей нашу финансовую политику, личное имущество рода Романовыхъ достигло за послѣдніе 30 лѣтъ поистинѣ грандіозныхъ размѣровъ. Ихъ капиталы исчисляются сотнями милліоновъ рублей, имъ принадлежатъ лучшія русскія земли, наиболѣе доходныя статьи. На одномъ Алтаѣ кабинету его величества принадлежитъ 40 мил. дес. земли; въ только что завоеванномъ Мургабскомъ оазисѣ царь захватилъ въ свои руки лучшій кусъ — Мургабское имѣніе. Въ то время, какъ наше сельское хозяйство приноситъ всѣмъ одни убытки, удѣльное вѣдомство, владѣнія котораго доходятъ уже теперь до 8-ми мил. десятинъ, скупаетъ ежегодно на 3 мил. руб. и получаетъ чистаго дохода до 15 мил. руб.; и распредѣленіе этихъ милліоновъ не подлежитъ общегосударственному контролю, хотя бы даже въ лицѣ блаженнаго Тертія.

Министръ Финансовъ и его друзья.

Г-ну Витте, впрочемъ, какъ ловкому фокуснику, все идетъ на пользу : и гласность и безгласность, и голодъ и сытость, и высокія и низкія цѣны на хлѣбъ, изъ всего онъ съумѣетъ вытащить нужный ему предметъ престидижитаціи. Надо ему успокоить юнаго монарха, — во всеподданнѣйшемъ докладѣ выставляется экономическій тезисъ о выгодности низкихъ цѣнъ на хлѣбъ для народа — земледѣльца ; а ради успокоенія гг. дворянъ, обезпокоенныхъ тѣми же низкими цѣнами, онъ, въ цѣляхъ повышенія этихъ самыхъ цѣнъ на хлѣбъ, ассигнуетъ 10 мил. рублей на закупку хлѣба для интенданства непосредственно отъ самихъ производителей. Надъ всѣмъ этимъ предпріятіемъ вывѣшивается флагъ общегосударственной пользы. Но, само собою разумѣется, „производителями“ оказываются крупные землевладѣльцы, — вліятельные при дворѣ особы*). И такъ какъ закупка производится въ количествахъ, превышающихъ нужды интенданства, то продавцы обязательно предлагаютъ для храненія свои амбары. Ввиду столь важныхъ услугъ, конечно, не приходится претендовать на такія случайности, что какой-нибудь фантастическій „жукъ“ нападаетъ — какъ нарочно на уже закупленный интенданствомъ хлѣбъ — и поѣдаетъ его до тла, о чемъ продавцы и спѣшатъ своевременно увѣдомить Витте телеграммами.... Г-ну Витте, впрочемъ, довольно легко оказывать нашей аристократіи и другія, не менѣе серьезныя услуги : поспособствовать льготной ссудѣ изъ дворянскаго банка, своевременно сообщить интересную биржевую новость и пр. Глава нашего финансоваго вѣдомства поэтому безконечно правъ, предупреждая мелкую, падкую до наживы, публику противъ игры на биржѣ. Онъ знаетъ, что не ей, не мелкотѣ суждено здѣсь выиграть. Это съ его стороны очень и очень гуманно....

Не мудрено, — не правда ли ? — что около министра сплачивается антуражъ искреннихъ поклонниковъ его талантовъ. Наша аристократія съ удовольствіемъ прощаетъ этому parvenu его случайное происхожденіе и толчется въ его передней.... Этой передней дѣлаютъ честь даже интересующіеся биржей августѣйшія особы.... Не далеко, пожалуй, и до знаменитаго — Pissez, monsieur ! — которымъ французскія аристократки ободряли еще конфузившагося передъ ними Джона Лоо, добиваясь отъ него его „акцій“.... Присовокупите къ этому постоянный обмѣнъ любезностей, который происходитъ между нашимъ Лоо и пред-

---

*) Другая мѣра предпринятая съ тою же, — именно, съ т о ю ж е — цѣлью были ссуды подъ хлѣбъ изъ Государственнаго банка, въ 93 г. уже достигшія цифры 42 мил. рублей. По признанію самого Вѣстника Финансовъ пользуются этимъ почти исключительно помѣщики и торговцы хлѣбомъ.

ставителями крупной отечественной промышленности.... Для нихъ у г. Витте запасъ любезностей неистощимый! Нашей покровительственной системѣ, какъ морю, конца-краю не видно; а въ частности сахарозаводчикамъ оказывается такая чудовищная поддержка, которая можетъ быть объяснена только совпаденіемъ здѣсь интересовъ всѣхъ друзей г. Витте. (Извѣстно, что Вѣдомству Удѣловъ принадлежитъ 4 сахарные завода, есть заводъ и у самого императора, а кромѣ того многія „особы" вложили въ эту промышленность свои пан, напримѣръ, князья Лейхтенбергскіе, имъ же нѣсть числа).

Московскіе „крупные" люди такъ освоились съ талантливымъ министромъ, что то и дѣло ѣздятъ навѣщать его въ „Питеръ" и иначе не называютъ его какъ: „нашъ Сергѣй Юльичъ"....

Умилительное и поучительное зрѣлище: бюрократія, крупное землевладѣніе и плутократія — въ тройственномъ союзѣ, ведущія свое дружное — бокъ объ бокъ — существованіе, взаимно другъ друга оплодотворяющія и мирно дѣлящія добычу съ родной страны. И колоритная картина этого канканирующаго люда чудесно дополняется сѣрымъ фономъ — нашихъ безконечныхъ, выпаханныхъ сѣрыхъ пашней, развалившихся сѣрыхъ деревенскихъ избъ, заугрюмѣвшаго, голоднаго, „сѣраго" народа....

* * *

Народное просвѣщеніе. Письмо г. Дурново. Техницизмъ.

Наше самодержавіе всегда являло примѣтную склонность къ идеализму. Боязнь идеи вѣдь тоже своего рода вѣра въ идею. А идеофобія нашего самодержавія доходитъ до болѣзненныхъ размѣровъ. Никогда не упускаетъ оно изъ виду духа, не довольствуется матерьяльнымъ разореніемъ своего народа, памятуя, что и въ немощной плоти духъ можетъ быть бодръ. И здѣсь въ области духа оно ведетъ свою разорительную работу съ рѣдкой систематичностью и энергіей.

Смущенная характернымъ для нашего времени все возрастающимъ интересомъ общества къ дѣлу народнаго просвѣщенія, бюрократія стремится вытѣснить — пока еще не поздно — общество изъ этой области. Она правильно понимаетъ, что дѣло просвѣщенія и задачи общества по существу противоположны ея задачамъ и зорко слѣдитъ за тѣмъ, чтобы кругъ общественно-просвѣтительной дѣятельности не расширялся, а гдѣ удается — стягиваетъ его. Не успѣло вновь возникшее общество помощи домашнему чтенію выступить въ Нижнемъ-Новгородѣ съ лекціями своихъ профессоровъ, какъ послѣдовалъ циркуляръ Министра Народнаго Просвѣщенія со ссылкой на законъ 65 г., воспрещающій эти лекціи безъ особаго на всякій разъ разрѣшенія попечителя съ предварительной справкой о благонадежности лектора. Двое лекторовъ, гг. Милюковъ и Безобразовъ, удалены

изъ университета, высланы изъ Москвы и навсегда лишены права педагогической дѣятельности. Въ Черниговской губерніи настоящимъ лѣтомъ запрещены учительскіе курсы для учителей всей губерніи, разрѣшенные и невозбранно прошедшіе въ предыдущемъ году, причемъ отвѣтъ Министерства Нар. Просвѣщенія на телеграфическій запросъ управы былъ сообщенъ попечителемъ округа съ намѣреннымъ опозданіемъ на нѣсколько недѣль. Отвѣтъ заключалъ въ себѣ разрѣшеніе курсовъ лишь по уѣздамъ въ строгомъ духѣ принципа divide et impera. Разрѣшенныя подъ давленіемъ неисчислимаго количества запросовъ, народныя чтенія по уѣздамъ*) поставлены подъ контроль по истинѣ исключительный : этотъ контроль ввѣренъ цѣлымъ тремъ вѣдомствамъ — епархіальному, мин. нар. просвѣщенія и мин. внутр. дѣлъ. Чтенія производятся не иначе, какъ съ разрѣшенія мѣстнаго архіерея и попечителя учебнаго округа. Къ участію въ нихъ допускаются лишь лица, по представленію школьной инспекціи удостоившіяся утвержденія губернатора. Вотъ что называется хорошо обставить дѣло! Вся эта политика ведется въ духѣ той программы народнаго просвѣщенія, которую и изложилъ г. Дурново еще въ 1894 г. въ своемъ конфиденціальномъ письмѣ къ Делянову**). Признавая „рѣзко проявившееся въ различныхъ слояхъ интеллигентныхъ классовъ стремленіе содѣйствовать поднятію уровня народнаго образованія“ — фактомъ опасныъ „для общественнаго спокойствія“, министръ внутреннихъ дѣлъ предлагаетъ передать всѣ комитеты грамотности и частныя общества въ непосредственное вѣдѣніе министра нар. просвѣщенія, „чтобы дѣятельность всѣхъ подобныхъ обществъ и отдѣльныхъ лицъ находилась подъ бдительнымъ надзоромъ его органовъ“.

Министерство В. Д. совмѣстно съ Мин. Нар. Просв. уже приступили къ проведенію этой программы : всю весну 95 года обсуждался ими проэктъ о преобразованіи комитетовъ грамотности

---

*) До сихъ поръ законъ предусматривалъ чтенія только въ губ. городахъ и, конечно, всегда толковался въ смыслѣ запрещенія чтеній, гдѣ бы то ни было, кромѣ этихъ городовъ.

*) Оно поражаетъ одной характерной чертой : все, что подсказано въ немъ, такъ сказать, духомъ сыска удивительно мѣтко и предусмотрительно; все, что относится къ другимъ „вѣдомствамъ“ : къ самой постановкѣ дѣла просвѣщенія по общественной иниціативѣ, къ народной литературѣ — свидѣтельствуетъ о полномъ невѣжествѣ авторовъ; напр., литератора Н. К. Михайловскаго, никогда не принимавшаго участія въ комитетахъ грамотности, г. Дурново не отличаетъ отъ однофамильца его — Я. Т., бывшаго главнымъ фабричнымъ инспекторомъ (автора необыкновенно радужнаго отчета о положеніи нашихъ рабочихъ для выставки въ Чикаго), — который состоялъ одно время представителемъ С.П. Комитета Грамотности. Комитетамъ Грамотности приписываются какія-то несуществующія при нихъ „отдѣленія“ и т. д.

на новыхъ мрачно-средневѣковыхъ началахъ. Комитеты грамотности пока еще дышатъ, но мечъ уже занесенъ надъ ними. И союзники-министры подобно побѣдителямъ-гладіаторамъ только ожидаютъ отъ цезаря условнаго знака, чтобы прикончить врага. (Эти строки были уже набраны, когда знакъ воспослѣдовалъ: въ ноябрѣ Николай II подписалъ указъ о передачѣ комитетовъ Мин. Нар. Просв.). Впрочемъ, не мы будемъ удивляться, что волки по волчьи воютъ. Но среди самихъ членовъ Комитета нашелся волкъ въ овечьей шкурѣ, — нашелся г. Странполюбскій, пользовавшійся репутаціей „либеральнаго" педагога, не задолго передъ тѣмъ состоявшій предсѣдателемъ Петерб. Комитета Грамотности.... Упомянутый министерскій проэктъ — дѣло его рукъ и талантовъ....

Столь рѣшительная борьба правительства со свѣтомъ ничуть не мѣшала появленію разныхъ „вотъ именно", „утѣшительно" и прочихъ поощрительныхъ Высочайшихъ надписей на губернаторскихъ докладахъ объ успѣхахъ роднаго просвѣщенія. Сопоставляя эти надписи съ одной стороны съ тѣмъ подаркомъ въ 3 мил., который Николай II сдѣлалъ синоду по открытіи церковно-приходскихъ школъ, и съ подавленіемъ общественно-просвѣтительной инціативы, — съ другой, нельзя не видѣть строго обдуманной системы бюрократическаго просвѣщенія. Бюрократія, — какъ выражается въ письмѣ своемъ г. Дурново, — признаетъ „въ принципѣ" дѣло образованія „вполнѣ почтеннымъ". Но довѣрить его обществу она естественно опасается. Она отлично знаетъ, что разъ за какое-либо дѣло берется общество, дѣло поведется — цитируемъ опять г. Дурново — „въ духѣ несогласномъ съ видами правительства". И бюрократія допускаетъ просвѣщеніе не иначе, какъ подъ строгой охраной священника и скалозубовскаго фельдфебеля; имъ она вѣряетъ дѣло образованія и воспитанія народа, увлекаясь не столько „почтенными принципами", сколько внѣдреніемъ въ умъ и сердце — народные незыблемыхъ истинъ самодержавія и православія.

Утѣшительно только одно — духъ времени, выражающійся въ массавомъ стремленіи къ свѣту знанія, вынуждаетъ даже нашихъ мраколюбцевъ ex professo прикриваться личиной просвѣщенія.

И такъ, если русскій народъ жаждетъ свѣта, — онъ къ его услугамъ ввидѣ церковно-приходской школы и изданій Святѣйшаго Синода. Если общество сгораетъ нетерпѣніемъ помочь народу въ этомъ дѣлѣ, — къ его услугамъ покамѣстъ „надзоръ", о которомъ пишетъ все тотъ же г. Дурново, а въ ближайшемъ будущемъ „общество духовно-нравственнаго просвѣщенія". Жаловаться, кажется, нельзя.... Но это еще не все: и тому, и другому, и народу и обществу еще настежъ отверзты двери въ область профессіональнаго просвѣщенія. Это очень характерная черта нашихъ нравовъ послѣдняго времени. Отнюдь не питая симпатіи къ дѣлу образованія общаго — т. е. истиннаго, къ дѣлу

общаго развитія народа, бюрократія наша подъ напоромъ финансовыхъ затрудненій стала усиленно интересоваться техническимъ образованьемъ. „Техницизмъ“ — это ея современная манія. Въ немъ она не только не усматриваетъ зародыша будущихъ золъ, но, повидимому, именно здѣсь чаетъ обрѣсти якорь спасенія. Сама ex-императрица (ужъ, кажется, на что смирная женщина) и та насаждала „техницизмъ“ въ будущихъ матеряхъ, вводя въ женскія гимназіи рукодѣлія. Для открытія технической школы уже давно не нужно придумывать, — какъ бывало — посвященія какому-нибудь 17-ому октября или памяти миротворца : открывай и все тутъ — еще спасибо скажутъ. Для подготовки народныхъ учителей заводятся лѣтніе курсы ремеслъ, огородничества и садоводства. Недавно въ Министерствѣ Нар. Просвѣщенія возникъ проэктъ высшаго учебнаго заведенія для приготовленія преподавателей въ техническія школы. Руководящую идею уловить не трудно. Добрые люди хотятъ пособить населенію справиться съ сельско-хозяйственными бѣдами ; хотятъ дать толчекъ развитію промышленности вообще, полагая, что имъ это можетъ пригодиться съ точки зрѣнія фиска. И вѣдь плану нельзя отказать въ остроуміи : создать населеніе исправныхъ плательщиковъ съ искусными, работящими руками и головами безъ вредныхъ (а по возможности и безъ всякихъ) мыслей—развѣ дурно? Въ одной каррикатурѣ былъ представленъ идеалъ современныхъ предпринимателей : рабочій съ атлетическими мускулистыми руками и ногами, но безъ головы (впрочемъ, у того отсутствовалъ и желудокъ). Такой идеалъ безъ сомнѣнія не лишенъ привлекательности ; но черезчуръ смѣлый реализмъ и упущеніе нѣкоторыхъ моральныхъ тонкостей дѣлаютъ его утопическимъ, — едва ли достижимымъ на нашей грѣшной планетѣ. И наши непослѣдовательныя министерства, которыя въ своей разрушительной работѣ неустанно памятуютъ о духѣ, а въ созидательной наоборотъ — забываютъ обо всемъ, кромѣ брюха...., осуждены повидимому на фіаско : брюха имъ не насытить даже въ той мѣрѣ, какая имъ потребна „для извлеченія наивысшихъ доходовъ“, а отъ „духа“ они дождутся въ свое время чего-нибудь уже совершенно „несогласнаго съ видами правительства“.

Покончимъ съ вопросомъ о нашемъ просвѣщеніи однимъ недавно разыгравшимся рѣдкой содержательности анекдотомъ. Анекдотъ имѣлъ мѣсто въ Рязани въ началѣ октября. Обольщенное царскими „именно“ мѣстное уѣздное земство усиленно занялось организаціей сельскихъ библіотекъ и читаленъ. Затрудненіе представлялъ только вопросъ о помѣщеніяхъ. И вотъ земство ходатайствуетъ передъ М. Н. Пр. о разрѣшеніи воспользоваться помѣщеніями школъ. Въ отвѣтѣ министерства, — какъ въ каплѣ росы отражается солнце, — отразилась полностью вся просвѣтительная политика нашего самодержавія. Отвѣтъ содержалъ въ себѣ отказъ. Но не думайте, что Мин. противъ читаленъ и намѣренно тормозитъ ихъ распространеніе — Боже избави! Оно только опасается, что посѣтители читальни „ис-

пачкаютъ полы въ школѣ"! Тутъ же было присовокуплено запрещеніе учителямъ завѣдывать библіотеками, ибо это ,,могло бы утомлять ихъ и черезъ то вредно отзываться на успѣхахъ учебнаго дѣла". Мин. Просв. — центральное высшее на всю имперію учрежденіе, это въ нѣкоторомъ родѣ святилище просвѣщенія и.... полы — вотъ поистинѣ фантастическая централизація! а затѣмъ ,,этотъ флеръ" чисто материнской заботливости не только о полахъ, но даже и объ учительскомъ персоналѣ, — тѣмъ болѣе трогательный, что обыкновенно на тѣхъ же учителей ничто не мѣшаетъ налагать все новыя и новыя обязанности: то обученіе церковному пѣнію (духовно-нравственное), то огородничеству и садоводству (техницизмъ)....

* * *

Министерство лицемѣрія.

,,Техницизмъ", о которомъ мы завели рѣчь, приводитъ насъ прямо въ огородъ министерства земледѣлія. Это недавно созданное министерство есть проявленіе именно его, моднаго у насъ теперь духа техницизма. Ни отъ одного изъ другихъ министерствъ не идетъ теперь такого треска и шума, ни одно изъ нихъ не снискало такой популярности среди обывателей, и, наконецъ, ни у одного не красуется въ физіономіи такъ выпукло характерная черта новѣйшаго нашего курса: —министерство земледѣлія съ полнымъ правомъ могло бы быть переименовано въ министерство лицемѣрія.

Бюрократія, какъ читатели увидятъ между прочимъ изъ помѣщаемаго ниже письма, не въ силахъ справиться даже съ такимъ сравнительно простымъ дѣломъ, какъ дѣло сухопутнаго и морскаго вооруженія (несмотря на огромный — высшій изъ всѣхъ государствъ Европы — бюджетъ нашихъ министерствъ военнаго и морскаго). Понятно, что не ей рѣшать сложную и трудную задачу поощренія на дѣлѣ (а не на словахъ только) ,,техницизма", т. е., у насъ главнымъ образомъ земледѣльческой промышленности. Вопросъ о земледѣліи былъ поставленъ ребромъ самой жизнью: голодные годы вынудили правительство заняться имъ, — хотя бы одной его финансовой стороной. Знаменитый девизъ нашей финансовой политики былъ поколебленъ въ своихъ основаніяхъ: ,,ёнъ" не только умиралъ съ голоду — это бы еще куда ни шло; но ,,ёнъ уже не доставалъ".... И вотъ озабоченный благомъ Россіи бюрократизмъ родилъ своего Веніамина — министерство земледѣлія. Что было ему дѣлать? Оно стояло лицомъ къ лицу съ такими громадными, глубоко-наболѣвшими вопросами народной жизни, разрѣшеніе которыхъ мыслимо только на почвѣ коренного переворота въ существующихъ отношеніяхъ — политическихъ и аграрно-соціальныхъ. Даже сколько-нибудь честно приступить только къ рѣшенію задачи возможно не иначе, какъ при условіи свободнаго и дѣятельнаго участія въ этомъ рѣшеніи

самого народа : ибо двигать впередъ жизнь можетъ только тотъ, кто знаетъ жизнь, — кто живетъ, а не бюрократъ. Бѣдный „Веніаминъ“ очутился сразу въ настоящемъ водоворотѣ вопіющихъ противорѣчій. Бюрократія — и здравый смыслъ ; канцелярія — и живое дѣло ; интересы фиска и „подъемъ благосостоянія“ доведеннаго этимъ фискомъ до голода крестьянства ; милѣйшій, но привыкшій къ поощреніямъ и дешевымъ рукамъ феодалъ и начинающая „не доставать“ misera plebs contribuens, а тутъ же рядомъ — сельскій капиталистъ in spe, въ „казенныхъ видахъ“ немногимъ болѣе цѣнный, чѣмъ обыкновенный плательщикъ, но зорко слѣдящій въ своихъ видахъ за появленіемъ у него въ мошнѣ каждой копѣйки. Всѣ эти непримиримыя, неразрѣшимыя ни для какихъ „министерствъ“ логическія и соціальныя антиноміи почти фаталистически обрекали „Веніамина“ на толченіе воды въ ступѣ. И если бы на мѣстѣ г-на Ермолова и К° былъ дѣйствительный наивно-честный библейскій Веніаминъ, онъ подумалъ бы немного, признался бы въ своей несостоятельности и заявилъ бы, подобно фонвизинскому Кутейкину : „отступаюся отъ всего“ ! Но не таковы наши бюрократы „изъ молодыхъ“ — новѣйшаго нагло-смышленнаго и лицемѣрно-болтливаго типа. Ихъ ничѣмъ не смутишь. Что за бѣда, что, изворачиваясь въ отведенныхъ имъ узенькихъ рамкахъ, они создадутъ лишь палліативы, а всего скорѣе роковое упорядоченіе на бумагѣ ? Что за бѣда, если всѣ ихъ „мелiоративныя“ на пользу народа начинанія окажутся гомеопатіей не только по размѣрамъ*)....

Не бѣда и то, что „подъемъ экономическаго благосостоянія“, который министерство Земледѣлія, ничто же сумняся, выставило на своемъ знамени, сводится, главнымъ образомъ, къ педагогическимъ внушеніямъ — къ совѣтамъ мужичку понабраться сельскохозяйственныхъ свѣдѣній даже безъ попытки придти къ нему здѣсь на помощь сколько-нибудь широкой организаціей сельскохозяйственнаго образованія. Все это ровно ничему не мѣшаетъ. Мы выше этого. Мы кричимъ, звонимъ въ колокола и пускаемъ словесные феерверки, рекламируемъ себя подобно дутымъ финансовымъ предпріятіямъ нѣсколькими закупленными именами,

---

*) Улучшенныя сѣмена и улучшенной породы скотъ — какъ трудно понять ихъ полезность тому, кому „окладнаго сбора“ ради приходится пр о ѣ д а т ь послѣднюю коровенку, а то и продавать оставленный на сѣмена хлѣбъ ?... А съ другой стороны рекомендуемъ посмотрѣть, какъ иллюстрацію демократическихъ начинаній правительства, приложенный въ матерьялахъ циркуляръ Государственнаго Банка отъ 26-го мая 1895 года — съ ремонтранціей „конторамъ и отдѣленіямъ“ за „направленіе, недостаточно обезпечивающее интересы банка“, — „выдачу ссудъ безъ достаточной осмотрительности“, „безъ обезпеченія, почти исключительно подъ круговую поруку товариществъ“. Документъ этотъ изъ другого вѣдомства, но суть дѣла — та же.

извѣстными въ мірѣ науки (Докучаевъ, Костычевъ*); издаемъ томы о совершенныхъ нами за годъ существованія подвигахъ, удостоиваемся за конспекты ихъ цѣлаго рога изобилія царскихъ „да“ и „именно“. „На распубликованіе во всеобщее свѣдѣніе этихъ отмѣтокъ, долженствующихъ послужить предначертаніемъ дальнѣйшей дѣятельности М. З. и Гос. Имущ. на пользу русскаго землѣдѣлія, и являющихся новымъ (?) доказательствомъ неустанныхъ заботъ Гос. Императора о преуспѣяніи и нуждахъ сельскохозяйственной промышленности въ Россіи, послѣдовало по всеподданнѣйшему докладу министра Земл. и Гос. Им. Высочайшее Его Имп. Вел. соизволеніе“. (Правит. Вѣстникъ). Императоръ, какъ видите, сотрудничаетъ въ рекламахъ Министерства „лицемѣрія“. Въ трехъ „помѣченныхъ“ мѣстахъ обзора на разные лады идетъ разговоръ объ „использованіи казенныхъ земель на благо скученнаго крестьянскаго населенія и для огражденія его отъ вынужденнаго переселенія“. Это своего рода логическая засада. Наивный читатель прочтетъ, пожалуй, въ этихъ громкихъ словахъ обѣщаніе какой-нибудь радикальной аграрной реформы.... А рѣчь идетъ лишь объ „удаленіи вредныхъ для дѣла посредниковъ“ при сдачѣ крестьянамъ въ аренду казенныхъ земель. Только и всего. Причемъ въ одномъ изъ трехъ мѣстъ, должно быть нечаянно оброненo уже цитированное нами признаніе, что „этотъ путь признается наиболѣе вѣрнымъ и для извлеченія наивысшаго дохода“. Разумѣется, что покамѣстъ и это малое существуетъ лишь „въ публикаціяхъ“ и „обзорахъ“ На практикѣ „этотъ путь“ не особенно улыбается крупнымъ землевладѣльцамъ, а бюрократія не имѣетъ обыкновенія съ ними ссориться. Полная солидарность монарха съ его министромъ „лицемѣрія“ какъ нельзя болѣе характерна и лишній разъ подтверждаетъ „распубликованное“ съ высоты престола 17-го января тожество между бюрократіей и самодержцемъ. Вотъ это николаевское тожество — дѣйствительно святая истина! — не чета тожествамъ гг. Дурново и г. Л. С.... Распубликованы среди помѣтокъ и факты, не лишенные интереса. За одинъ годъ открыто министерствомъ семь новыхъ низшихъ сельскохозяйственныхъ школъ, что вмѣстѣ со старыми и „предположенными къ открытію“ составляетъ 80 школъ — по одной на милліонъ землед. населенія, а императоръ находитъ, что „и все таки мало“!...

Либерализмъ министерства земледѣлія, впрочемъ, не подлежитъ сомнѣнію. Какъ бы ощущая нѣкоторую неловкость при

---

*) Avis „именамъ“, стремящимся продать себя : Костычевъ, опозоривъ себя на всю Россію, умеръ внезапно, въ цвѣтѣ лѣтъ; Докучаевъ перерѣзалъ себѣ горло бритвой, съ отчаянія, при видѣ необходимости ежедневно вступать въ сдѣлки съ честью и совѣстью.

сопоставленіи грохота своей мельницы съ количествомъ намолотой муки, оно пробуетъ поймать обывательскія сердца на удочку либерализма.... Оно симулируетъ совѣщанія съ обществомъ, приглашаетъ компетентныхъ его представителей (крупныхъ землевладѣльцевъ) въ свой ,,совѣтъ свѣдущихъ людей", снисходитъ даже до запросовъ къ земствамъ.... И, видно, въ корень испорчены бюрократизмомъ мозги русскаго обывателя : публика клюетъ на эту приманку, поддается на грубыя рекламы и заигрыванья, горячо интересуется ,,реформаторской дѣятельностью" министерства и чего-то ждетъ отъ него. Министерство ,,лицемѣрія" несомнѣнно имѣлъ въ виду и г. Л. С., когда слагалъ свои гимны ,,передовой силѣ нашего времени", плѣненный ,,его частыми обращеніями къ печатному слову, обнародованіемъ официальныхъ матерьяловъ и запросами къ земствамъ и ученымъ спеціалистамъ". Огорченные 17-ымъ января земцы могутъ не держать зла въ своемъ сердцѣ и успокоиться : оказывается — не всѣ ихъ мнѣнія признаются бюрократіей ,,безсмысленными"; не надо только ,,выходить изъ предѣловъ", пускаться въ политику, и начальство всегда съ радостью пойдетъ на встрѣчу ихъ желаніямъ.... За примѣрами ходить не далеко. Черниговская губернская управа сдѣлала подсчетъ ходатайствамъ земства о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ за 30 лѣтъ существованія. Оказалось, что изъ 112-ти ходатайствъ удостоились какого-нибудь отвѣта отъ Мин. Вн. Д. — 8, а изъ этихъ 8-ми отвѣтовъ — положительныхъ было 2. Вотъ цифры, которыя несомнѣнно могутъ окрылить лучшими надеждами всѣ земства, поспѣшившія своими совѣтами на помощь министерству ,,лицемѣрія".

И это-то министерство ,,лицемѣрія", было все, чѣмъ разрѣшились заботы нашей бюрократіи о народномъ хозяйствѣ послѣ урока 92 года....

Самодержавіе наше со всѣми его министерствами по отношенію къ народу и его хозяйству напоминаетъ толпу шарлатановъ у постели задыхающагося отъ духоты больнаго. Больному нуженъ воздухъ, — они тщательно затыкаютъ всѣ щели и отверстія, откуда бы онъ могъ проникнуть. Больной рвется отъ нихъ, — они привязываютъ его къ койкѣ и суютъ ему въ ротъ свои зелья.... Не умолкая, шумно и пространно толкуютъ они о причинахъ болѣзни, о методахъ ,,уврачеванія" и только, — подобно древнимъ авгурамъ, не глядятъ другъ другу въ глаза — изъ боязни расхохотаться. Они говорятъ рѣшительно обо всемъ, кромѣ одного, — самаго главнаго : что причина болѣзни недостатокъ воздуха, и что стоитъ больному вырваться изъ ихъ рукъ и пошире распахнуть двери и окошко, чтобы его не узнать стало, чтобъ его болѣзнь начала проходить сама собою....

* * *

Мы начали съ 17 января, разъяснившаго вопросъ объ отношеніи Николая II къ обществу. Первый годъ его царствованія

успѣлъ выяснить его отношеніе и къ трудящейся массѣ. „Народничество“, какъ извѣстно, въ крови у дома Романовыхъ. Николай II, ни въ чемъ не уступая своимъ предкамъ, подобно имъ подаетъ безчисленные поводы для мечтаній народниковъ Мин. Вн. Д. или „государственной интеллигенціи“ изъ „Новаго Слова“. Высказывается онъ по излюбленному своему методу „помѣтками“. Московскій губернаторъ докладываетъ ему о сердечныхъ отношеніяхъ между подвѣдомственными ему земскими начальниками и народомъ. И Императоръ не можетъ удержаться, чтобы не подчеркнуть на поляхъ: „именно сердечныя!“ (Авторъ доклада тотъ самый, что запрещалъ циркулярно подъ угрозой увольненія своимъ земскимъ начальникамъ подавать крестьянамъ руку и „допускать прочія отличительныя внѣшности равныхъ съ равными“. Циркуляръ этотъ помѣщ. въ отдѣлѣ матерьяловъ*).

Но куда болѣе безспорнымъ образомъ проявился демократизмъ Н. II въ дѣлѣ рабочихъ волненій, имѣвшихъ мѣсто въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 95 г. въ Ярославлѣ. Помѣтка царская на донесенія о дѣйствіяхъ войска при укрощеніи этихъ волненій цинизмомъ своимъ заставляетъ блѣднѣть и меркнуть даже 17-ое января. Давно не слыхали мы ничего подобнаго отъ нашихъ самодержцевъ. „Весьма доволенъ спокойнымъ и стойкимъ поведеніемъ войскъ во время фабричныхъ безпорядковъ“. — Вотъ слова, которыя начертаны Николаемъ II-ымъ на всеподданнѣйшемъ докладѣ начальника московскаго главнаго штаба. Не знаемъ, какъ отнесутся къ нимъ „молодцы фанагорійцы“, которымъ г. Костанда передаетъ царское спасибо, но русскій рабочій, — это мы знаемъ, — ихъ не забудетъ. И начальство, для поощренія „фанагорійцевъ“ озаботившееся „распубликованіемъ“ содержащаго эту помѣтку приказа — въ Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, — поступило прекрасно.

Какъ извѣстно, „спокойное поведеніе войскъ“, которымъ остался весьма доволенъ Николай II, имѣло своимъ результатомъ 13 человѣческихъ труповъ.... Ничѣмъ не вызванная, не имѣющая себѣ оправданія бравада, это царское „спасибо“ за рѣзню —

---

*) Та же сердечность отношеній процвѣтаетъ и въ Тамбовѣ. Мѣстный губернаторъ въ циркулярѣ къ земскимъ же начальникамъ приглашаетъ ихъ проявить „сердечную инициативу“ въ борьбѣ со „свойственной по большей части русскому простолюдину безпечностью и лѣнью“, по которымъ онъ „уклоняется отъ пріисканія себѣ заработка и при спросѣ на рабочія руки анормально возвышаетъ заработную плату“. Рекомендуемый методъ: пріурочиваніе взысканія платежей „при дружномъ взаимодѣйствіи земскихъ начальниковъ и полиціи“ ко времени открытія полевыхъ работъ и заключенія договоровъ о наймѣ. „Задача не легкая и, быть можетъ, не выполнимая безъ принудительныхъ мѣръ“ — ставитъ онъ далѣе точки на своихъ і.

что о немъ говорить? Безконечнымъ позоромъ обдаетъ оно всѣхъ, кто способенъ терпѣть такіе факты и молчать, — молчать, потому что „страшно“ говорить.... И уже одинъ окончательный выводъ вытекаетъ изъ этой царской выходки, — выводъ на счетъ личности нашего Преображенца: двухъ мнѣній объ этой личности теперь быть не можетъ....

* * *

Вмѣстѣ съ „твердымъ“ словомъ 17-го января это царское спасибо должно бы, кажется, безповоротно уничтожить возможность „безсмысленныхъ мечтаній“. Но недугъ легкомыслія и начальстволюбія повидимому не хочетъ поддаваться даже такимъ героическимъ средствамъ. Даже въ нашемъ бѣгломъ обзорѣ первый годъ Николаева царствованія оставляетъ впечатлѣніе какого-то безнадежно-нелѣпаго мѣсива изъ „нормальной“ бюрократически-сословной политики, лицемѣрія популярности ради и запальчиво-циничныхъ выкриковъ.... Людямъ русскимъ пришлось не „обозрѣвать“, а переживать этотъ годъ.... А они все еще сохраняютъ способность мечтать о свѣтлыхъ перспективахъ, вѣрить „помѣткамъ“ и ждать, ждать!... Не даромъ даже французскіе беллетристы называютъ чувство всепрощенія le tout pardon russe.... Года не прошло со дня 17-го января, а достаточно было „позволенія“ толковать о всеобщемъ обученіи и вредѣ розги и грошоваго облегченія препонъ, установленныхъ у насъ для высшаго образованія женщины, и разочарованно-насупившіяся физіономіи снова просіяваютъ, а очи теплются новой надеждой. И точно не понимаютъ люди, что увеличивая одной рукою число школъ, можно другою — сводить всю школьную науку къ омраченію ума народнаго истинами церковной морали и „нашего историческаго государственнаго строя“; точно не видятъ они, что можно проповѣдывать тѣ же истины въ милліонахъ дешевыхъ книжекъ, которыя ежегодно рожаетъ „собственная типографія Святѣйшаго Синода“ и которыя наводняютъ книжный рынокъ и школьныя библіотеки; что можно каждую „чужую“ книжку прогонять сквозь строй всѣхъ нашихъ цензуръ и не допускать до народа ничего, „не согласнаго съ видами правительства“.... Точно не на нихъ глазахъ все это происходитъ! А что касается женскаго образованія, то высшія учебныя заведенія у насъ давно оздоровлены и рискъ увеличить ихъ число однимъ — двумя новыми — право же рискъ не большой (а къ тому же и расходовъ никакихъ, такъ какъ женское образованіе, — это вошло у насъ въ традицію, — пробавляется исключительно иждевеніемъ общества). Впрочемъ, правительство само уже спѣшитъ умѣрить восторги неисправимо-безсмысленныхъ мечтателей, вызванные этими „дозволеніями“ и „допущеніями“ въ дѣлѣ образованія. Всѣ эти дозволенія и допущенія, конечно, лишь уступки давно опредѣлившимся и окрѣпшимъ въ сознаніи общества и народа потребностямъ, —

уступки почти вынужденныя : нельзя же во всемъ и всегда отвѣчать на запросы подданнымъ битьемъ по темени — иной разъ выгоднѣе кое-чѣмъ и поступиться. По зачѣмъ же баловать ?... Казанскіе высшіе курсы не допущены. Говорятъ, что и вообще въ провинціи высшее женское образованіе признано неумѣстнымъ. А что касается народнаго, то единственное прогрессивное мѣропріятіе нынѣшняго царствованія — освобожденіе земства отъ обязательныхъ расходовъ на содержаніе мѣстныхъ судебно-административныхъ учрежденій недавно было пояснено преемникомъ г-на Дурново въ очень опредѣленномъ, разрушающемъ всякія утопіи смыслѣ.

Указъ говорилъ о путяхъ сообщенія, но нѣкоторыя земства почему-то понадѣялись, что имъ „позволятъ“ употребить освобождающіяся суммы на дѣло народнаго образованія. Циркуляръ министра очень ясно разъяснилъ, что они будутъ употребляться на „пути сообщенія“, и притомъ подъ строжайшимъ его контролемъ....

Ничего не бываетъ безъ причины — вотъ та безспорная истина, о которой постоянно забываютъ мечтатели вообще, а наши „безсмысленные“ въ особенности. Требуйте и дастся Вамъ, а презентовъ не ждите, если не хотите новыхъ уроковъ въ родѣ 17-го января и пр. и пр. Это относительно всякаго правительства вообще. А въ частности, что касается правительства Николая II-го, проявившаго себя въ первый же годъ свой столь опредѣленнымъ образомъ, то болѣе чѣмъ позволительно сомнѣваться, чтобы оно содержало въ своихъ чреслахъ сѣмена какихъ-нибудь благоухающихъ произрастаній.... II возведенная имъ въ систему политика лицемѣрія, конечно, даетъ только лишній поводъ не мечтать, а дѣйствовать.

ПРИЛОЖЕНІЯ

№ 1

Голосъ изъ общества*)

Русская политика ничего не предвидѣла и ничего не приготовила. Перевооруженіе, на которое уже пять лѣтъ подъ рядъ ассигнуется по 10 мил. ежегодно, только еще начато. Новымъ ружьемъ, такъ называемой пачечной системы, вооружена только гвардія. Бездымный порохъ только вводится, и орудія старой системы къ нему оказались неприспособленными. Отъ силы удара портятся всѣ казенныя части орудія, и самый порохъ, вслѣдствіе неумѣлаго съ нимъ обращенія, взрывается безъ видимой причины. Нашъ флотъ не можетъ быть снаряженъ къ бою раньше осени, и то при громадныхъ затратахъ и напряженіи всѣхъ силъ. Какова его готовность показываютъ слѣдующіе факты. Броненосецъ перваго ранга „Рюрикъ", спущенный на воду въ маѣ прошлаго года и стоившій до 6 мил. руб., былъ снаряжаемъ всю зиму въ Кронштадтѣ. Оказалось, что въ полномъ боевомъ вооруженіи онъ сидитъ на 30 фут. глубинѣ, а рейдъ въ Кронштадтѣ имѣетъ только 27 футовъ. И „Рюрикъ" попался такимъ образомъ въ плѣнъ на Кронштадскомъ рейдѣ, гдѣ долго не знали, что дѣлать, — разоружать ли „Рюрика", или углублять рейдъ, чтобы его освободить. Миноноски не могли быть посланы во Владивостокъ, такъ какъ у нихъ не оказалось необходимыхъ частей. Когда года три тому назадъ для провѣрки береговой обороны Кронштадта и Петербурга была сдѣлана тревога, по которой миноноски должны были выйти изъ Петербурга въ Кронштадтъ, то изъ 60 миноносокъ дошло до Кронштадта только 20. Морское министерство, прославившееся еще при Александрѣ II своимъ воровствомъ, достигло апогея при Александрѣ III, руководимое такимъ знаменитымъ организаторомъ кражъ, какъ Чихачевъ, бывшій нѣкогда директоромъ Черноморскаго общества судоходства. Благодаря закону о морскомъ цензѣ, всѣ лучшіе

---

*) Настоящее письмо, вызванное обострешемъ отношеній между Россіей и Японіей, доставлено намъ лѣтомъ 95 г. и, какъ заключающее нѣкоторыя любопытныя данныя, приложено къ Хроникѣ въ качествѣ небезынтереснаго документа «изъ общества».

старые опытные морскіе офицеры, какъ не удовлетворяющіе цензу, ушли изъ флота и служатъ на Волгѣ и Каспіѣ, а ихъ мѣста захватили юнцы изъ аристократическихъ фамилій. Какъ велико дезорганизующее значеніе этого закона, показываетъ случай съ „Новымъ Временемъ“ года два назадъ, когда газета получила оффиціальный выговоръ за статью, въ которой очень осторожно намекнула на послѣдствія этого закона для флота.

При такихъ условіяхъ война даже съ Японіей представляется рискованной, и этотъ выводъ, правильность котораго едва ли можно отрицать, говоритъ больше всего противъ бюрократическаго режима. До какой степени упадка доведена громадная страна, какъ Россія, если противъ нея можетъ выступить такая, въ сущности незначительная и слабая въ сравненіи съ нею страна, какъ Японія? Куда же и на что тратятся эти громадныя средства, которыя ежегодно ассигнуются на военное и морское министерства, если въ такомъ неважномъ дѣлѣ мы оказываемся слабы, во всякомъ случаѣ не сильнѣе слабаго противника, и вынуждены прибѣгать къ помощи Германіи и Франціи, запекивать и унижаться? Дѣлаетъ честь нашей дипломатіи, что она съумѣла не довести дѣло до крайности, предупредила столкновеніе и тѣмъ оградила честь страны отъ новаго позора. Владивостокъ легко могъ бы стать вторымъ Севастополемъ, если бы задоръ, овладѣвшій Преображенцемъ, который не можетъ забыть удара въ Отеу, не былъ во время охлажденъ.

* * *

№ 2

М. В. Д.
МОСКОВСКАГО ГУБЕРНАТОРА
ПО ГУБЕРНСКОМУ ПРИСУТСТВІЮ
Сентября 1 дня 1894 г.
№ 27

Копія

Конфиденціально

Гг. Земскимъ Начальникамъ Московской губерніи.

При произведенной мною въ текущемъ году ревизіи дѣлопроизводства гг. Земскихъ Начальниковъ я, между прочимъ, старался уяснить себѣ, путемъ бесѣды съ ними, то положеніе, которое они заняли по отношенію къ ввѣренному ихъ заботамъ населенію, какъ тѣ должностныя лица, которыя были призваны Высочайшею властью въ 1889 г. къ упорядоченію сельскаго быта посредствомъ проведенія въ дѣйствительную жизнь не вполнѣ еще усвоенныхъ народомъ правовыхъ началъ, заключающихся въ положеніи 19 февраля 1861 г. и послѣдовавшихъ съ того времени въ ихъ развитіи узаконеній.

Къ моему удивленію, мнѣ пришлось убѣдиться, что нѣкоторые изъ гг. Земскихъ Начальниковъ признаютъ допустимыми

и дѣйствительно допускаютъ въ сношеніяхъ съ подчиненными должностными лицами крестьянскаго управленія и вообще съ сельскимъ населеніемъ рукопожатіе при привѣтствіи, совмѣстные обѣды и чаепитія, разговоръ сидя и прочія отличительныя внѣшности обращенія равныхъ съ равными.

Предполагая, что начальныя слова Высочайшаго Указа 12 іюля 1889 г. крѣпко хранятся въ памяти и сердцѣ каждаго изъ должностныхъ лицъ, коихъ задача — исполнять предначертанія этого указа, я только потому позволяю себѣ напомнить нѣкоторыя изъ этихъ словъ, что имѣю дѣло, очевидно, съ недоразумѣніемъ.

Согласно этого указа одна изъ цѣлей объявляемой имъ реформы: поставить мѣстную власть въ подобающее и согласное съ пользами государства положеніе. Посему и законъ, для допущенія къ должности Земскаго Начальника, постановилъ условіемъ принадлежность къ мѣстному потомственному дворянству, очевидно не въ видѣ какой-либо привиллегіи, даруемой высшему сословію, но вслѣдствіе желанія воспользоваться, для возвышенія власти Земскаго Начальника, тѣмъ исторически сложившимся нравственнымъ авторитетомъ, которымъ преемственно пользуется русское земельное дворянство въ глазахъ народа. Изъятія изъ этого правила допущены тѣмъ же закономъ лишь въ томъ предположеніи, что лица, воспользовавшіяся ими, съумѣютъ, посредствомъ своей полезной дѣятельности и съ помощью своего личнаго такта, создать себѣ подобное же положеніе въ той средѣ, гдѣ имъ придется дѣйствовать.

Исходя изъ этихъ соображеній, нельзя не признать всей важности однообразія внѣшнихъ формъ уваженія, оказываемыхъ всѣмъ гг. Земскимъ Начальникамъ подвѣдомственными имъ лицами, — а кому же неизвѣстно, что ни одинъ помѣщикъ-баринъ, слѣдующій существующему въ Россіи обычаю, при полномъ нравственномъ уваженіи къ отдѣльному крестьянину, не позволитъ себѣ выражать ему это уваженіе уничтоженіемъ существующихъ сословныхъ преградъ, — а также и то неопредѣленное и ложное положеніе, въ которомъ всегда или почти всегда оказываются тѣ, которые рѣшаются нарушать это-правило. Несомнѣнно, что въ такомъ же ложномъ положеніи оказывается и тотъ, кого такимъ образомъ стараются выдѣлить и возвысить.

Предполагая, что указываемое мною явленіе происходитъ лишь отъ кореннаго непониманія нѣкоторыми гг. Земскими Начальниками характера своихъ обязанностей, я, предварительно принятія какихъ-либо мѣропріятій къ устраненію этого непорядка, считаю долгомъ преподать означеннымъ гг. Земскимъ Начальникамъ настоящее разъясненіе, вполнѣ надѣясь, что этимъ весь вопросъ будетъ исчерпанъ. Но если бы за симъ кто-либо изъ гг. Земскихъ Начальниковъ счелъ невозможнымъ для себя отказаться отъ установившихся фамиліарныхъ отношеній, я вынужденъ буду совѣтовать этимъ лицамъ искать себѣ иной дѣятель-

ности, которая не налагала бы на нихъ такихъ обязательствъ по отношенію къ частной жизни, какъ служба Земскаго Начальника.

Подписалъ : Губернаторъ Булыгинъ.
Скрѣпилъ : Секретарь Рачинскій.
Вѣрно : Рачинскій.

№ 3

Открытое письмо къ Николаю II

Вы сказали свое слово, и оно разнесется теперь по всей Россіи, по всему культурному міру. До сихъ поръ Вы были никому неизвѣстны; со вчерашняго дня Вы стали опредѣленной величиной, относительно которой нѣтъ болѣе мѣста „безсмысленнымъ мечтаніямъ". Мы не знаемъ, понимаете ли Вы то положеніе, которое Вы создали своимъ „твердымъ" словомъ. Но мы думаемъ, что люди, стоящіе не такъ высоко и не такъ далеко отъ жизни, какъ Вы, и потому могущіе видѣть то, что происходитъ теперь въ Россіи, легко разберутся и въ Вашемъ и въ своемъ положеніи.

Прежде всего Вы плохо освѣдомлены о тѣхъ теченіяхъ, противъ которыхъ Вы рѣшили выступить съ Вашей рѣчью. Ни въ одномъ Земскомъ Собраніи не слышалось ни одного голоса противъ самодержавной власти, и никто изъ земцевъ не ставилъ вопросъ такъ, какъ его поставили Вы. Наиболѣе передовые земства и земцы настаивали или, вѣрнѣе, просили лишь о единеніи царя съ народомъ, о непосредственномъ доступѣ голоса земства къ престолу, о гласности и о томъ, чтобы законъ всегда стоялъ выше административнаго произвола. Словомъ, рѣчь шла лишь о томъ, чтобы пала бюрократически-придворная стѣна, отдѣляющая царя отъ Россіи.

Вотъ тѣ стремленія земскихъ людей, которыя Вы, только что вступивъ на престолъ, неопытный и несвѣдущій, рѣшились заклеймить названіемъ „безсмысленныхъ мечтаній".

Для всѣхъ сознательныхъ элементовъ русскаго общества ясно, кто подвинулъ Васъ на этотъ неосторожный шагъ. Васъ обманули, Васъ запугали представители той именно бюрократически-придворной стѣны, съ самодержавіемъ которой никогда не примирится ни одинъ русскій человѣкъ. И Вы отчитали земскихъ людей за слабый крикъ, вырвавшійся изъ ихъ груди противъ бюрократически-полицейскаго гнета! Вы увлеклись такъ далеко въ ненужномъ охраненіи того самодержавія, на которое ни одинъ земскій человѣкъ не думалъ посягать, что въ „участіи

представителей земства въ дѣлахъ „внутренняго управленія“ усмотрѣли опасность для самодержавія. Такой взглядъ не соотвѣтствуетъ даже тому положенію, въ которое земство поставлено Вашимъ отцомъ, и при которомъ оно является необходимымъ участникомъ и органомъ внутренняго управленія.

Но Ваше неудачное выраженіе — не просто редакціонный промахъ : въ немъ сказалась цѣлая система. Русское общество прекрасно пойметъ, что 17-го января говорила Вашими устами вовсе не идеальная самодержавная власть, носителемъ которой Вы себя считаете, а ревниво оберегающая свое всемогущество бюрократія. Этой бюрократіи, начиная съ комитета министровъ и кончая послѣднимъ урядникомъ, ненавистно расширеніе общественной самодѣятельности даже на почвѣ существующаго государственнаго порядка. Она держитъ самодержавнаго монарха внѣ свободнаго общенія съ представителями народа, и самодержцы оказываются лишенными всякой возможности видѣть ихъ иначе, какъ ряженными поздравителями, съ иконами и подношеніями. И рѣчь Ваша еще разъ доказала, что всякое желаніе представителей общества и сословій быть чѣмъ-нибудь бо́льшимъ, — всякая попытка высказаться передъ Престоломъ, хотя бы въ самой вѣрноподданнической формѣ, о наиболѣе вопіющихъ нуждахъ русской земли — встрѣчаетъ лишь грубый окрикъ....

Русская общественная мысль напряженно и мучительно работаетъ надъ разрѣшеніемъ коренныхъ вопросовъ народнаго быта, еще не сложившагося въ опредѣленныя формы со времени великой освободительной эпохи и недавно, въ голодные годы, пережившаго тяжелыя потрясенія. И вотъ, въ такое время, вмѣсто словъ, обѣщающихъ дѣйствительное и дѣятельное единеніе царя съ народомъ, и признанія съ высоты Престола гласности и законности, какъ основныхъ началъ государственной жизни, — представители общества, собравшіеся со всѣхъ концовъ Россіи и ожидавшіе отъ Васъ одобренія и помощи, услышали лишь новое напоминаніе о Вашемъ всесиліи и вынесли впечатлѣніе полнаго отчужденія царя отъ народа.

Вѣрьте, что и на самыхъ мирныхъ людей такое обращеніе могло произвести только удручающее и отталкивающее дѣйствіе. День 17-го января уничтожилъ тотъ ореолъ, которымъ многіе русскіе люди окружили Вашъ неясный, молодой обликъ. Вы сами наложили руку на Вашу популярность. Но дѣло идетъ не только о Вашей личной популярности. Если самодержавіе на словахъ и на дѣлѣ отожествляетъ себя съ всемогуществомъ бюрократіи, если оно возможно только при совершенной безгласности общества и при постоянномъ дѣйствіи яко бы временнаго положенія объ усиленной охранѣ, — дѣло его проиграно ; оно само роетъ себѣ могилу и раньше или позже, но во всякомъ случаѣ въ недалекомъ будущемъ падетъ подъ напоромъ живыхъ общественныхъ силъ. Вы сами своими словами и своимъ поведеніемъ задали обществу такой вопросъ, одна ясная и гласная

постановка котораго есть уже страшная угроза самодержавію. Вы бросили земскимъ людямъ и съ ними вмѣстѣ всему русскому обществу вызовъ, и имъ теперь не остается ничего другого, какъ сдѣлать сознательный выборъ между движеніемъ впередъ и вѣрностію самодержавію.

Правда, своею рѣчью Вы усилили полицейское рвеніе тѣхъ, кто службу самодержавному царю видитъ въ подавленіи общественной дѣятельности, гласности и законности, — Вы вызвали восторгъ тѣхъ, кто готовъ служить всякой силѣ, ни мало не думая объ общемъ благѣ и въ безгласности и произволѣ находя лучшія условія торжества личныхъ узко-сословныхъ выгодъ. Но всю мирно стремящуюся впередъ часть общества Вы оттолкнули.

А тѣ дѣятельныя силы, которыя не способны довольствоваться полной сдѣлокъ и уступокъ, трудной и медленной борьбой на почвѣ существующаго порядка, — куда пойдутъ онѣ? Послѣ Вашего рѣзкаго отвѣта на самыя скромныя и законныя пожеланія русскаго общества, — чѣмъ, какими доводами удержитъ оно на законномъ пути и охранитъ отъ гибели самыхъ чуткихъ и даровитыхъ, неудержимо рвущихся впередъ своихъ дѣтей?!

Итакъ, какое дѣйствіе произведетъ на русское общество первое, непосредственное обращеніе Ваше къ его представителямъ?

Не говоря о ликующихъ, въ ничтожествѣ и общественномъ безсиліи которыхъ Вы сами скоро убѣдитесь, — Ваша рѣчь вызвала чувство обиды и удрученности, отъ котораго однако живыя общественныя силы быстро оправятся и перейдутъ къ мирной, но упорной и сознательной борьбѣ за необходимый для нихъ просторъ; у другихъ оно обострить рѣшительность бороться съ ненавистнымъ строемъ всякими средствами.

Вы первый начали борьбу, — и борьба не заставитъ себя ждать.

Петербургъ, 19 Января 1895 года.

Printed & published by Al. Dębski. —N 7, Beaumont Square. London E.

20070050104